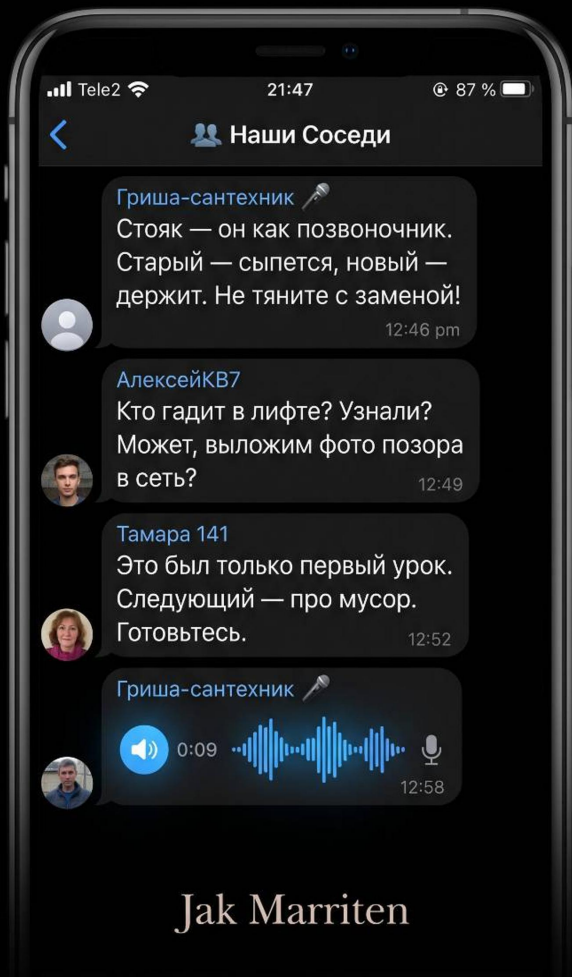

Наши Соседи

Гриша-сантехник

Стояк — он как позвоночник.
Старый — сыпется, новый —
держит. Не тяните с заменой!

12:46 pm

АлексейКВ7

Кто гадит в лифте? Узнали?
Может, выложим фото позора
в сеть?

12:49

Тамара 141

Это был только первый урок.
Следующий — про мусор.
Готовьтесь.

12:52

Гриша-сантехник

0:09

12:58

Jak Marriten

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Четвертая мировая в чате

18+

Jak Marriten

Четвертая мировая в чате

<https://litres.ru/74244277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом на окраине спального района. Чат «Наши соседи» в мессенджере. Здесь обсуждают мусоропровод, лужу в лифте и шум после десяти. Но за жалобами прячутся одиночество, стыд и невысказанная нежность.

Гриша-сантехник пьёт по вечерам и записывает голосовые про стояк морали и протечку человечности — над ним смеются, но его слушают.

Марина борется за справедливость, пытаясь забыть унижение от бывшего мужа. Виктор, полковник запаса, ищет в соседях врагов, не замечая друга юности за стенкой. Лена, уволенная учительница, прячет за цитатами отчаянную потребность в любви. Костя, курьер-тролль, скрывает страх перед будущим за стикерами. А Аня, мать в декрете, просто читает и ставит реакции — единственная, кто видит всех по-настоящему.

Случайный скриншот запускает цепную реакцию — и бытовая склока превращается в войну без правил. А когда в чате становится невыносимо, Гриша пишет последнее сообщение и навсегда выходит из сети.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать	4
Глава 3. Домофон души	41
Глава 4. Скриншот	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Jak Marriten

Четвертая мировая в чате

Глава 1. Добро пожаловать

Чат «Наши Соседи» просыпался раньше будильников. Задолго до того, как первые лучи солнца падали на облупившиеся фасады панельной четырнадцатietàжки, в цифровом пространстве уже теплилась жизнь. Ночные сообщения — редкие, короткие, как вскрики, — сменялись утренними, и начинался новый виток бесконечного сериала.

Марина из четвёртого подъезда никогда не писала по ночам. Она вставала в шесть тридцать, варила кофе на крошечной кухне и ровно в шесть сорок пять открывала мессенджер. Это был её ритуал — утренняя чашка и чат, — и она не изменяла ему уже три года, с тех пор как переехала сюда после развода.

Сегодня утро началось с лужи. Вернее, не с самой лужи, а с фотографии, которую прислал кто-то из жильцов вчера вечером, но Марина заметила её только сейчас. Она пролистала ленту, зевнула и машинально поставила чайник. За окном серело февральское небо, машина во дворе надрывно была стартером, а в чате висело непрочитанное сообщение от анонимного участника — того самого, что вчера разра-

зился гневной тирадой про мусоропровод.

Марина поморщилась. Анонимов она не любила. Ей казалось, что за пустой аватаркой может прятаться кто угодно: обиженный сосед, скучающий подросток, уволенный сотрудник управляющей компании. Но чаще всего — просто человек, которому не хватает смелости назвать себя.

Она не стала читать анонимное сообщение сразу. Сначала налила кофе, отрезала кусок позавчерашнего хлеба и только потом, устроившись на диване с ногами, открыла чат.

Анонимный участник (06:15):

«Дорогие соседи! Вчера я обратил ваше внимание на состояние мусоропровода. Вы проигнорировали. Сегодня я повторяю: это не случайность. Кто-то систематически засоряет мусоропровод на девятом этаже. Предполагаю, это делается намеренно. Возможно, это происки тех, кто хочет дестабилизировать обстановку в доме. Будьте бдительны!»

Марина вздохнула. Дестабилизировать обстановку. Надо же, какие слова. Она подозревала, что аноним — просто одинокий пенсионер, которому нечем заняться. Но, с другой стороны, мусоропровод действительно был забит. Она сама видела пакеты, торчащие из люка на девятом этаже, когда навещала Галину. Запах стоял такой, что хоть святых выноси.

Она отпила кофе и набрала ответ — короткий, по делу, без лишних эмоций. Марина старалась быть нейтральной: после развода она вообще избегала конфликтов, словно бо-

ялась, что любой спор разрушит хрупкий мир, который она с таким трудом выстроила вокруг себя.

Марина 4-й подъезд (06:50):

«Доброе утро. Я вчера проходила мимо девятого этажа — запах действительно сильный. Может, вызвать сантехника? Или написать в УК? Не думаю, что это заговор, скорее кто-то просто выбрасывает крупногабаритный мусор».

Она отправила сообщение и отложила телефон. За окном всё так же выла машина. Марина подумала, что надо бы пожаловаться в чат и на это, но решила не умножать сущности. Пусть сначала разберутся с мусоропроводом.

Чайник закипел, и она снова наполнила чашку. Кофе был горьким, хлеб — чёрствым. Марина жила одна уже пять лет, но так и не привыкла покупать свежий хлеб каждый день. Ей казалось, что это расточительно: зачем целая буханка, если она съедает два куска в день? Дочь, уехавшая в другой город учиться, всегда смеялась над этой привычкой: «Мам, ты как старушка, честное слово». Марина улыбалась в ответ, но про себя думала, что старушкой быть не так уж и плохо. У старушек хотя бы есть определённости.

Телефон пискнул снова. В чате появился Виктор из второго подъезда. Его аватарка — георгиевская лента на фоне танка — всегда вызывала у Марины смешанные чувства. Виктор был человеком сложным: с одной стороны, он постоянно искал врагов и заговоры, с другой — был едва ли не

единственным, кто реально занимался домом. Он ходил на собрания, спорил с УК, требовал ремонта крыши. Правда, делал это так громко и агрессивно, что пользы от него было меньше, чем шума.

Виктор 2-й подъезд (07:05):

«Марина, вы наивны. Мусоропровод не засоряется сам по себе. Это спланированная акция. Я двадцать лет служил и чую врага за версту. Кто-то хочет, чтобы мы почувствовали себя беззащитными. Сначала мусор, потом — перебои с водой, потом — отопление отключат. Это классическая тактика: измотать противника мелкими диверсиями. Вы меня ещё вспомните».

Марина закатила глаза, но спорить не стала. Она давно усвоила: с Виктором бесполезно. Он всё равно останется при своём мнении, а ты только потратишь нервы. Поэтому она просто поставила реакцию «большой палец вверх» и открыла почту.

Рабочих писем было три. Одно от начальника — напоминание о сроках квартального отчёта. Одно от коллеги — просьба проверить цифры. И одно от дочери — короткое, в две строчки: «Мам, привет. У меня всё хорошо. Скинь денег на учебники, если можешь. Целую». Марина перевела деньги сразу же, не думая. На учебники так на учебники. Она знала, что дочь иногда лукавит и тратит часть на какие-то свои девичьи радости, но не осуждала. Сама в её возрасте

тоже покупала духи вместо учебников.

В семь пятнадцать в чат ворвался Костя. Его появление всегда было похоже на взрыв петарды — громко, неожиданно и немного бестолково. Костя жил в первом подъезде, снимал комнату у Петровых, работал курьером в доставке суши и, кажется, искренне считал чат своим личным развлекательным каналом. Его аватарка — лягушонок Пепе с сигаретой в зубах — бесила Виктора до зубного скрежета.

Костя 1-й подъезд (07:16):

«Виктор, ты как всегда прав. А я вчера видел бабу Галю из третьего подъезда. Она выносила мусор в одиннадцать вечера. В ЧЁРНОМ ПАКЕТЕ. Это точно заговор. Может, она шпионка? Я предлагаю установить скрытую камеру в мусоропроводе и следить за каждым, кто подходит к люку. Я даже могу арендовать оборудование. У меня друг работает в магазине электроники».

Следом прилетел стикер — кот в каске смотрит в прицел автомата. Марина фыркнула, чуть не подавившись кофе. Костя был невыносим, но его шутки иногда попадали в точку. Особенно когда он пародировал Виктора.

Виктор, разумеется, не оценил.

Виктор 2-й подъезд (07:18):

«Костя, ваши шуточки неуместны. Это серьёзный вопрос. Между прочим, я вчера разговаривал с участковым, и он

подтвердил: в районе участились случаи вандализма. Возможно, это одни и те же люди. Так что смейтесь, пока можете».

Костя не унимался.

Костя 1-й подъезд (07:19):

«Виктор, а давайте вы меня арестуете? Я как раз курьером работаю, разношу суши по району. Может, я и есть тот самый диверсант? Прихожу, кладу роллы, заодно мусоропровод забиваю. Гениальный план».

Марина улыбнулась и написала коротко:

Марина 4-й подъезд (07:20):

«Костя, перестаньте. Виктор серьёзен. Давайте решать проблему, а не спорить».

Но спор уже разгорался. В семь двадцать пять в чате появилась Лена. Её аватарка — портрет Ахматовой с сигаретой — всегда предвещала длинные, грамотные и слегка высокомерные сообщения. Лена жила в шестом подъезде, работала учителем литературы, пока её не уволили за старый пост в социальной сети. Теперь она фрилансила, писала эссе на заказ и, по мнению некоторых соседей, страдала от недостатка аудитории. Чат был её сценой, а каждое обсуждение — возможностью блеснуть эрудицией.

Лена 6-й подъезд (07:25):

«Коллеги, позвольте заметить, что проблема мусоропровода — это лишь вершина айсберга. Мы наблюдаем классический пример социальной энтропии: когда каждый действует в своих интересах, общее пространство деградирует. Мусоропровод забивается не потому, что кто-то злонамерен, а потому, что никто не хочет брать на себя ответственность. Вместо того чтобы искать врагов, давайте заглянем в себя. Когда мы в последний раз заботились о доме? О соседях? О чём-то, кроме собственного комфорта?»

Марина прочитала это длинное сообщение и задумалась. Лена была права по сути, но форма подачи вызывала отторжение. Слишком академично. Слишком холодно. Будто она читала лекцию студентам, а не общалась с соседями.

Виктор ответил предсказуемо:

Виктор 2-й подъезд (07:27):

«Лена, я не философ, я солдат. Я не обязан заглядывать в себя. Я обязан защищать дом. И если кто-то его разрушает — я буду искать врага, а не заниматься самокопанием. Это ваша работа — рефлексировать. А моя — действовать».

Лена не ответила. Только пометка «прочитано» появилась. Марина представила, как Лена сидит в своей квартире, заваленной книгами, с тремя котами и больной мамой, и горько усмехается, глядя на экран. Они иногда переписывались в личке — без свидетелей Лена была совсем другой: мягкой, ранимой, уставшей. Но в общем чате она всегда на-

девала маску интеллектуалки, и маска эта многих раздражала.

В половине восьмого Марина начала собираться на работу. Она надела строгую серую юбку, белую блузку, заколола волосы в тугий пучок. В зеркале на неё смотрела аккуратная женщина сорока пяти лет, с едва заметными морщинами у глаз и усталым взглядом. Она не была красивой в классическом смысле, но в ней чувствовалась порода — та самая, которую даёт многолетняя привычка держать спину прямо, даже когда никто не видит.

Перед выходом она снова заглянула в чат. Костя и Виктор продолжали пикироваться, Ольга из третьего подъезда пожаловалась на шумных соседей сверху, а аноним снова написал — на этот раз про парковку, но Марина уже не стала читать. Она опаздывала.

На остановке было людно. Маршрутка пришла переполненная, и Марина втиснулась между крупным мужчиной в рабочей куртке и старушкой с тележкой. В салоне пахло бензином и чьим-то перегаром. Она закрыла глаза и попыталась абстрагироваться.

На работе всё шло своим чередом. Цифры, отчёты, звонки. Марина работала главным бухгалтером в фирме по продаже пластиковых окон, и её день состоял из бесконечных таблиц и сверок. Это было скучно, но надёжно. Ей нравилась определённость: дебет с кредитом всегда сходятся, баланс всегда подводится, ошибку всегда можно исправить. В

отличие от жизни, где ошибки часто оказывались неисправимыми.

В обеденный перерыв она снова открыла чат. Там разгорался новый скандал. Оказывается, пока она работала, Виктор и Ольга успели разругаться из-за парковки, Лена написала длинное сообщение о необходимости коллективного договора, а Костя выложил мем с котом, который моет пол, и подписью «Когда сантехник пришёл, а ты уже всё починил». Марина улыбнулась и пролистала дальше.

И тут она увидела сообщение, от которого внутри всё похолодело.

Анонимный участник (12:30):

«Соседи, я тут подумал. Мусоропровод — это ерунда. Парковка — тоже. Проблема глубже. Проблема в том, что мы перестали быть общиной. Мы просто сосуществуем, как квартиры в стояке. Но стояк — он должен работать. А наш стояк забит. И я спрашиваю: кто его прочистит?»

Марина перечитала сообщение дважды. Станный выбор слов. «Стояк — он должен работать». Так мог сказать только один человек в этом доме. Но Гриша никогда не писал текстом — он всегда присылал голосовые. И уж точно не стал бы прятаться за анонимным аккаунтом.

Она написала Грише в личку.

Марина 4-й подъезд (личное, 12:35):

«Григорий, добрый день. Вы случайно не знаете, кто скрывается за анонимом? Он сегодня написал что-то очень похожее на ваши слова».

Ответ пришёл через полчаса.

Гриша-сантехник (личное, голосовое, 0:28):

«Марина, это не я. Я анонимов не уважаю. Если человек прячется — значит, ему есть что скрывать. А я свои слова говорю в лицо. Или в микрофон. Так что нет, это кто-то другой мои выражения тырит. Может, подражатель. А может, просто сволочь. Разберёмся».

Марина выдохнула. Почему-то ей было важно, чтобы Гриша оказался ни при чём. Она сама не понимала почему. Может быть, потому что он был единственным, кому она доверяла в этом доме.

После обеда работа снова закрутила её. Она допоздна сидела над квартальным отчётом, пересчитывала цифры, исправляла ошибки коллег. Когда она наконец подняла голову, за окном уже стемнело. Часы показывали половину восьмого.

Она собрала вещи и вышла из офиса. Вечерний город встретил её мокрым снегом и ветром. Маршрутка опять опаздывала, и Марина продрогла, пока ждала на остановке. Домой она добралась только к девяти.

В лифте пахло хлоркой. Марина удивилась — она не помнила, чтобы кто-то мыл лифт в последнее время. Может,

управляющая компания наконец-то отреагировала на жалобы? Или кто-то из жильцов взял инициативу на себя.

Дома она скинула туфли, прошлёпала на кухню и поставила чайник. Потом достала телефон и открыла чат. Вечерняя переписка была в самом разгаре.

Оказалось, днём произошло ещё одно событие. В лифте обнаружили лужу. Не просто воду, а нечто более пахучее и неприятное. Марина читала сообщения и чувствовала, как внутри закипает раздражение. Лужа в лифте — это было уже слишком.

Марина 4-й подъезд (21:10):

«Соседи, я только что пришла с работы. В лифте чисто, пахнет хлоркой. Может, кто-то уже убрал? Или я что-то пропустила?»

Ответ пришёл от Кости.

Костя 1-й подъезд (21:12):

«Марина, вы всё пропустили. Лужа была эпическая. Я даже сфоткал для истории. Но когда я вернулся через час — её уже не было. Кто-то убрал. И нет, это не я. Я бы убрал, но меня опередили».

Виктор добавил:

Виктор 2-й подъезд (21:15):

«Я тоже видел. Это был явно человек с техническими

навыками. Уборка произведена профессионально. Подозреваю, это наш анонимный доброжелатель. Сначала засоряет, потом чистит. Классическая тактика: создать проблему и героически её решить. Так завоёвывают доверие».

Марина задумалась. Виктор, при всей своей паранойе, иногда бывал проницателен. Но если это действительно тактика, то зачем? Кому нужно завоёвывать доверие жильцов?

В девять тридцать в чате появился Гриша. Его голосовое сообщение длилось две минуты семнадцать секунд. Марина нажала воспроизведение и приготовилась слушать.

Гриша-сантехник (голосовое, 2:17):

«Ну что, соседи. Прочитал я ваши дебаты. Мусоропровод, парковка, лужа в лифте... Красиво излагаете, граждане. А я вам так скажу: лифт я помыл. Не потому, что вы просили, а потому что самому противно. Вы там, в чате, воюете друг с другом словами, а реальность — она вот, под ногами. И пока вы друг друга мочите в переписке, кто-то должен просто взять швабру и сделать дело. Я не философ, я сантехник. Но я знаю одно: стояк — он как позвоночник. Чуть искривление — и весь дом парализован. А вы все со своими ссорами, подозрениями, обидами — вы этот стояк и искривляете. Поймите простую вещь: мы все в одном доме. В одной лодке. И если мы не начнём грести в одну сторону, нас всех засосёт в эту вашу лужу. С головой. Ладно, пойду. У меня завтра с утра Петровы — у них раковина течёт

уже месяца. Они её скотчем замотали, а она всё равно течёт. Потому что скотч душу не чинит. Спокойной ночи».

Марина прослушала дважды. Голос Гриши — хриплый, усталый, но какой-то тёплый — подействовал на неё успокаивающе. Она поставила реакцию «большой палец вверх» и написала в общий чат:

Марина 4-й подъезд (21:35):

«Спасибо, Григорий. Лифт действительно чистый. Я оценила».

Аня поставила «сердечко». Костя написал: «Гриша — наш герой». Даже Виктор смягчился:

Виктор 2-й подъезд (21:37):

«Григорий, вы хороший мужик. Но наивный. Скотч душу не чинит, это верно. Но и швабра не чинит. Нужны системные решения. Я завтра иду в УК. Кто со мной?»

Лена ответила первой:

Лена 6-й подъезд (21:38):

«Я с вами, Виктор. Но при условии, что мы будем разговаривать вежливо. Без крика и обвинений. Управляющая компания — это тоже люди. Может быть, им просто нужно объяснить».

Виктор нехотя согласился. Они договорились встретиться завтра в десять утра у подъезда и вместе отправиться в УК.

Марина читала и удивлялась. Ещё утром эти люди грызлись как собаки, а теперь договаривались о совместном походе. Что изменилось? Может быть, слова Гриши подействовали? Или просто накопилась усталость от бесконечной войны?

Она не знала. Но ей вдруг стало легко — так легко, как не было уже давно. Она допила чай, помыла чашку и пошла в спальню.

Перед сном она ещё раз заглянула в чат. Там было тихо. Только аноним написал короткое сообщение, которое Марина увидела уже сквозь сон.

Анонимный участник (23:30):

«Григорий прав. Стояк — это важно. Но ещё важнее — кто его чинит. Спокойной ночи».

Марина хотела что-то ответить, но веки слипались. Она отложила телефон и провалилась в сон.

А в подвале в это время горел свет. Гриша сидел на перевёрнутом ящике и курил, глядя на старую трубу, которая ещё держалась, но уже дала трещину. Он думал о том же, о чём думала Марина: о трещине, которая прошла не по трубе, а по дому. По людям. И он не знал, как её заделать. Но знал одно: бросать нельзя. Потому что если бросить — трубу прорвёт. И тогда вода зальёт всё: и подвал, и квартиры, и души.

Он докурил, раздавил окурочек о бетонный пол и взял разводной ключ.

— Ну что, стояк, — пробормотал он. — Починимся?

Труба не ответила. Но Гриша знал: она слышит. Просто не умеет говорить.

Как и все они.

Глава 2. Лужа

Утро вторника началось с тишины. Чат «Наши Соседи» молчал до восьми утра — событие настолько редкое, что Марина дважды проверила телефон: не сломался ли. Нет, телефон работал исправно. Просто никто не писал. Она успела умыться, сварить кофе, нарезать бутерброд с сыром и даже прочитать пару страниц детектива, который растягивала уже третий месяц. За окном серело обычное февральское небо, с крыши капало, машина под окном никак не могла завестись и мучительно выла стартером. Обычное утро спального района. Тишина в чате казалась подозрительной. Как затишье перед грозой.

В восемь ноль две телефон пискнул. Марина вздрогнула и схватила его быстрее, чем следовало. Сообщение было от анонимного участника. Того самого, что вчера писал про лужу и советовал не искать врагов. Сегодня его тон изменился. Стал резче. В нём появилось что-то требовательное, даже угрожающее. Марина прочитала и нахмурилась.

Анонимный участник (08:02):

«Дорогие соседи. Вчера я обратил ваше внимание на лужу в лифте. Вы её проигнорировали. Пришлось убирать мне. Я

не дворник. Я такой же жилец, как и вы. Но, видимо, некоторым из вас наплевать на общее имущество. Сегодня я хочу поднять другой вопрос. Я говорю о парковке. Посмотрите во двор. Белый внедорожник с надписью «За победу» опять стоит на газоне. Колёса утоплены в грязи. Трава уничтожена. Дети играют рядом с этой машиной. Кто владелец? Почему вы молчите? Почему одни могут нарушать правила, а другие должны терпеть?»

Марина отложила бутерброд. Она знала, чей это внедорожник. Знала с первой секунды. Машина принадлежала Виктору из второго подъезда, полковнику запаса, человеку, который в каждом обсуждении находил врагов и заговоры. Он купил этот автомобиль два года назад, когда окончательно уволился из армии и устроился начальником охраны в торговый центр. Машина была его гордостью, его статусом, его единственной радостью, если судить по тому, сколько времени он проводил, натирая её полиролью по выходным. И да, он действительно парковался на газоне. Не со зла — просто мест во дворе катастрофически не хватало. Подземный паркинг, построенный застройщиком для галочки, стоил таких денег, что даже Марина, главный бухгалтер с неплохой зарплатой, не могла его себе позволить. А платная стоянка за домом была переполнена ещё год назад. Оставался газон — кусок земли, который когда-то засеяли по инициативе самих жильцов, а теперь превратили в стихийную парковку.

Марина понимала, что сейчас начнётся. Она хотела напи-

сать анониму личное сообщение, попросить удалить пост, пока Виктор не проснулся. Но Виктор уже проснулся. Его ответ пришёл в восемь ноль семь. Короткий, злой, с тремя восклицательными знаками в конце.

Виктор 2-й подъезд (08:07):

«Аноним, вы кто такой? Почему прячетесь? Лицо покажите сначала, а потом права качайте!!!»

Чат начал оживать. В восемь десять появился Костя. Его сообщение было сонным и коротким — видимо, он только что открыл глаза и ещё не успел придумать шутку.

Костя 1-й подъезд (08:10):

«О, опять анон письки мерит. Я думал, он вчера успокоился».

Анонимный участник (08:12):

«Костя, я не меряюсь. Я требую порядка. Если вы не видите разницы, мне вас жаль».

Костя 1-й подъезд (08:13):

«Анон, ты чего такой агрессивный? Тебе кофе не хватило? Или жена из дома выгнала?»

Аноним не ответил. Зато в восемь пятнадцать в чат зашла Ольга из третьего подъезда. Её сообщение было длинным и эмоциональным, с обилием восклицательных знаков

и заглавных букв. Ольга была молодой матерью двоих детей — мальчиков трёх и пяти лет, — и её главной заботой была безопасность. Всё, что угрожало её детям, вызывало у неё приступ ярости.

Ольга 3-й подъезд (08:15):

«Я ПРОЧИТАЛА!!! АНОНИМ АБСОЛЮТНО ПРАВ!!! У НАС ВО ДВОРЕ БАРДАК!!! МАШИНЫ НА ГАЗОНАХ!!! МУСОР ВОЗЛЕ ПОДЪЕЗДА!!! В ЛИФТЕ ВЧЕРА КТО-ТО НАГАДИЛ!!! У МЕНЯ ДЕТИ!!! Я НЕ ХОЧУ ЧТОБЫ ОНИ ЭТО ВИДЕЛИ!!! ВИКТОР ЕСЛИ ЭТО ВАША МАШИНА УБЕРИТЕ ЕЁ НЕМЕДЛЕННО!!!»

Виктор ответил через минуту. Его тон изменился — он стал холоднее. Так он писал, когда был по-настоящему зол. Марина знала эту его манеру: сначала крик, потом ледяное спокойствие, а потом — беда.

Виктор 2-й подъезд (08:17):

«Ольга, не кричите. Я вас прекрасно слышу. Машина моя. И она будет стоять там, где стоит. Потому что мест больше нет. Вы предлагаете мне бросить её на проезжей части? Или, может, на крышу поставить? Когда застройщик сделает нормальную парковку, тогда и поговорим. А пока — терпите. Я двадцать лет терпел, пока служил. Теперь ваша очередь».

Ольга 3-й подъезд (08:19):

«Вы что себе позволяете?! Я буду жаловаться! У меня муж юрист! Вы у меня попляшете!!!»

Виктор 2-й подъезд (08:20):

«Жалуйтесь. Мне не привыкать. Я и не такое проходил. А юрист ваш пусть сначала с женой научится разговаривать, а потом мне угрожает».

Это был удар ниже пояса. Все в чате знали, что муж Ольги действительно работал юристом в небольшой фирме и что отношения у них были непростые — соседи часто слышали крики из их квартиры. Но упоминать об этом в общем чате было жестоко. Ольга не ответила. Только пометка «прочитано» появилась, и больше ничего. Марина представила, как она сейчас сидит на кухне, красная от гнева и унижения, а дети плачут, требуя завтрак.

В восемь двадцать пять в чат зашла Лена. Она, как всегда, попыталась примирить стороны. Её сообщение было длинным, грамотным и абсолютно бесполезным в текущей ситуации.

Лена 6-й подъезд (08:25):

«Коллеги, позвольте внести рациональную ноту. Проблема парковки, безусловно, существует. Но проблема не в Викторе и не в Ольге. Проблема — в системном недостатке инфраструктуры. Застройщик сэкономил на парковочных местах. Управляющая компания не желает расширить стоянку.

Городские власти не реагируют на обращения. Мы все — заложники чужих ошибок. И вместо того чтобы воевать друг с другом, давайте объединим усилия и напишем коллективное обращение. В конце концов, слово — это единственное оружие, которое не убивает».

Виктор 2-й подъезд (08:27):

«Лена, вы как с Луны свалились. Какое обращение? Кому? В администрацию? Да им плевать на нас. Я туда три раза ходил. Меня даже слушать не стали. Сказали: «Пишите заявление, рассмотрим в течение месяца». Месяц прошёл — ответа нет. Второй месяц прошёл — тишина. Так что ваше «слово» — пшик. А реальность — вот она. Газон под окном. И машина на нём. И так будет, пока я жив».

Лена 6-й подъезд (08:30):

«Виктор, я понимаю ваше разочарование. Но если мы опустим руки, ничего не изменится. Вы говорите, что реальность такова. Но реальность — это не данность. Это результат наших действий. Или бездействия».

Костя 1-й подъезд (08:31):

«Лена, вы сейчас серьёзно? Мы в чате ЖЭКа сидим или на лекции по философии? Реальность — это когда колёса в грязи и мусор из пакета на голову капает. А остальное — болтовня».

Марина читала эту переписку и чувствовала, как внутри закипает раздражение. Она не хотела никого обижать, но постоянные склоки выматывали её. Каждое утро одно и то же: жалобы, ссоры, угрозы. А потом люди встречаются в лифте и делают вид, что ничего не было. Отводят глаза, бормочут «здрасьте» и спешат по своим делам. И это лицемерие угнетало её больше всего.

В девять утра она решилась написать. Её сообщение было эмоциональным — что случалось с ней редко. Марина обычно тщательно подбирала слова, редактировала, удаляла, переписывала заново. Но сегодня она просто набрала текст и нажала «отправить», не перечитывая.

Марина 4-й подъезд (09:03):

«Люди. Я вас прошу. Остановитесь. Вы посмотрите, что мы делаем. Мы живём в одном доме. Мы видим друг друга каждый день. Наши дети играют в одном дворе. А мы пишем друг другу гадости в чате. Ради чего? Ради парковки? Ради газона? Неужели это стоит того, чтобы враждовать? Я вчера перечитала нашу переписку за месяц. Знаете, что я там увидела? Ни одного доброго слова. Ни одного. Только крики, только обиды, только взаимные оскорбления. Мне страшно от этого. Мне страшно, что мы превратились в зверей, которые грызутся за кусок территории. Давайте просто поговорим. По-человечески. Без анонимов. Без угроз. Без криков. Я прошу вас».

После её сообщения наступила пауза. Она длилась почти десять минут. Марина сидела перед телефоном, смотрела на экран и ждала. Ей казалось, что она сказала что-то важное. Что-то, что должно было пробить стену взаимной неприязни. Но первой ответила Ольга.

Ольга 3-й подъезд (09:15):

«Марина, вы наивная. Добрые слова тут не помогут. Я пробовала. Тут надо действовать жёстко. Иначе так и будут на головах ездить».

Потом написал Виктор.

Виктор 2-й подъезд (09:17):

«Марина, я вас уважаю. Вы порядочная женщина. Но вы не понимаете. Это война. И на войне добрые слова не работают. Там работают действия. Я эту машину кровью заработал. И я не дам её тронуть. Кто попробует — пожалеет. Это не угроза. Это факт».

Марина прочитала и почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Она не хотела войны. Она хотела тишины. Покоя. Хотя бы иллюзии, что вокруг живут люди, а не волки в овечьих шкурах. Но чат снова опровергал её надежды. Люди не хотели мира. Они хотели драки. И драка надвигалась.

В десять утра аноним снова написал. Его сообщение было коротким и зловещим.

Анонимный участник (10:04):

«Виктор. Вы сказали, что не уберёте машину. Вы сказали, что это война. Хорошо. Пусть будет война. Но пеняйте на себя».

Марина перечитала это сообщение трижды. У неё похолодели пальцы. Она не знала, кто скрывается за пустой аватаркой, но этот человек явно не собирался шутить. В его словах была холодная решимость, которая пугала сильнее, чем гневные крики Виктора. Виктор был вспыльчивым, но отходчивым. А этот — нет. Этот, кажется, всё продумал.

В десять тридцать Костя написал в личку Марине.

Костя 1-й подъезд (личное, 10:30):

«Марин, привет. Я тут подумал: этот анон реально странный. Он вчера про лужу писал, сегодня про парковку. Такое ощущение, что он за всеми следит. Может, у него камеры понатыканы? Или он просто больной на голову? Как думаешь?»

Марина 4-й подъезд (личное, 10:33):

«Костя, я не знаю. Но мне тоже не по себе. Он пишет так, будто знает больше, чем говорит. И эта фраза про «пеняйте на себя»... Это же прямая угроза. Может, стоит предупредить Виктора?»

Костя 1-й подъезд (личное, 10:34):

«Виктора предупредишь, ага. Он сейчас на взводе. Если я ему скажу «слышь, Виктор, анон угрожает», он меня самого на колёса наматает. Пусть лучше сам разбирается. Он взрослый мужик. Служил. Выживет».

Марина не была так уверена. Она видела Виктора в реальной жизни: пожилой человек с больной спиной, с одышкой, с трясущимися руками, когда он нервничал. Его боевой запал был скорее бравадой, чем реальной силой. Если аноним действительно решит действовать, Виктор может и не выдержать. Но как ему помочь, если он сам отказывается от помощи?

В одиннадцать утра Марина ушла на работу. Она ехала в маршрутке, смотрела на серые улицы, на усталых людей, на обледенелые остановки, и думала о доме. Точнее, о чате. О том, как несколько десятков пикселей на экране смартфона превратили соседей во врагов. И о том, что она сама — часть этой войны, хоть и пытается быть миротворцем. Но миротворцев на войне не любят. Их считают предателями обе стороны.

На работе всё валилось из рук. Она перепутала цифры в квартальном отчёте, и начальник сделал ей замечание. Она извинилась, исправила, но мысли всё равно возвращались к чату. Она открыла его в обеденный перерыв и увидела новую ветку обсуждения. Оказывается, пока она работала, в чате появилась ещё одна участница — Галина из пятого подъезда, пенсионерка семидесяти двух лет, которая редко писала, но

метко.

Галина 5-й подъезд (11:45):

«Здравствуйте все. Я тут сижу, чай пью и читаю ваши сообщения. Знаете, что я вам скажу? Стыдно. Мне стыдно за вас. Я в этом доме живу сорок лет. С тех пор как его построили. И никогда, никогда соседи так друг с другом не разговаривали. Даже в девяностые, когда тяжело было. А сейчас что? У вас всё есть: еда, тепло, свет, телефоны дорогие. А вы грызётесь как собаки. Из-за места на газоне. Позор. Я помню, как этот газон засеивали. Мы всем домом вышли: с лопатами, с граблями, с семенами. Дети помогали, старики помогали. Это было счастье. А вы его в грязь втоптали. Своими машинами. Своими словами. Одумайтесь».

Сообщение Галины прочитали все. Но никто не ответил. Только Ольга поставила реакцию «большой палец вверх», да Лена написала коротко: «Спасибо, Галина. Вы правы». Виктор промолчал. Костя тоже. Аноним, разумеется, ничего не написал.

Марина почувствовала стыд. Действительно стыд. Галина была права: они сами уничтожили то, что создавали вместе. И теперь пожинают плоды своей разрушительной деятельности. Но может быть, ещё не поздно что-то исправить? Может быть, ещё можно собраться всем вместе и засеять новый газон? Не из травы — из слов. Из добрых слов.

Но этим мечтам не суждено было сбыться. В двенадцать

часов дня в чат пришло фото. Его прислал неизвестный номер — новый участник, который никогда раньше не писал. На снимке был запечатлён белый внедорожник Виктора. Тот самый, с надписью «За победу». Но колёса у него были спущены. Все четыре. А на капоте лежала записка с печатными буквами: «ПАРКУЙСЯ КАК ВСЕ».

Фотография появилась и мгновенно всё изменила.

Первой отреагировала Ольга. Её сообщение было коротким и испуганным.

Ольга 3-й подъезд (12:05):

«Боже мой!!! Что это?! Кто это сделал?!»

Потом написал Костя.

Костя 1-й подъезд (12:06):

«Ни фиги себе. Вот это я понимаю аргумент. Виктор, ты как там? Живой?»

Лена написала следом.

Лена 6-й подъезд (12:07):

«Я категорически осуждаю этот поступок. Порча имущества — это уголовное преступление. Надеюсь, виновный будет найден и наказан. Но я не могу не отметить, что мы сами создали атмосферу, в которой такие действия становятся возможными. Мы сеяли ветер — пожинаем бурю».

А потом ответил Виктор. Он не кричал. Он не угрожал.

Он писал коротко и страшно спокойно.

Виктор 2-й подъезд (12:12):

«Я сейчас приеду».

И всё. Больше ни слова. Марина представила, как он сидит в своей каморке в торговом центре, смотрит на экран телефона и видит свою машину с проколотыми колёсами. Машину, которую он покупал два года, копил деньги, отказывая себе во всём. Машину, которая была его единственной гордостью. И теперь она стоит на газоне, беспомощная, как раненый зверь, а над ней глумится записка неизвестного мстителя.

Марина хотела написать Виктору лично. Но что она могла сказать? «Мне жаль»? «Держитесь»? «Я с вами»? Всё это звучало бы фальшиво. Они не были друзьями. Они были просто соседями, которые обменивались жалобами в чате. И теперь один из них стал жертвой, а другой — молчаливым свидетелем. Свидетелем, который ничего не сделал, чтобы предотвратить беду.

В час дня Костя написал в общий чат.

Костя 1-й подъезд (13:10):

«Народ, кто-нибудь видел, кто это сделал? Может, у кого камера на окне или видеорегистратор во дворе стоял? Давайте поможем найти урода».

Ответом была тишина. Никто ничего не видел. Или не хо-

тел говорить. Марина подозревала, что скорее второе. Дом был полон свидетелей, но никто не хотел связываться. Страх. Равнодушие. Или просто усталость от бесконечной войны.

Ольга 3-й подъезд (13:15):

«У меня камера на подъезд смотрит, но не на газон. Я проверила — ничего».

Лена 6-й подъезд (13:17):

«Я живу на шестом этаже, у меня окна на другую сторону. Я ничего не видела».

Галина 5-й подъезд (13:20):

«А я вообще в это время в поликлинике была. Кардиограмму делала. Только пришла — и такое. Господи, что же это делается».

Марина тоже ничего не видела. Она была на работе. Но даже если бы была дома, её окна выходили на северную сторону, во внутренний двор, где не было газона. Она была бесполезна. Как и все остальные.

В два часа дня в чате появился Виктор. Он был дома и снова писал сообщения — длинные, гневные, с обилием восклицательных знаков.

Виктор 2-й подъезд (14:02):

«Я приехал!!! Я видел!!! Все четыре колеса!!! Все четы-

ре!!! Новые!!! Я их месяц назад купил!!! Шипованные!!! Кто это сделал — выходи!!! Я тебя найду!!! Я тебя достану!!! Ты у меня ответишь за всё!!!»

Анонимный участник (14:05):

«Виктор, я предупреждал. Вы не слушали. Это не я. Но я понимаю того, кто это сделал. Вы не уважали других. Теперь другие не уважают вас. Закон бумеранга».

Виктор 2-й подъезд (14:07):

«Ты!!! Ты мне тут не философствуй!!! Выходи на разговор!!! Лицо покажи!!! Или ты только за спиной гадить умеешь?!»

В этот момент в чат вмешался администратор — Сергей из пятого подъезда, пенсионер, бывший учитель географии, человек, который взял на себя роль модератора только потому, что больше никто не хотел. Он редко писал, но когда писал, старался быть справедливым.

Администратор (14:10):

«Уважаемые участники! Прошу воздержаться от взаимных оскорблений. Виктор, я понимаю ваше состояние и сочувствую вам. Но призываю решать проблему в правовом поле. Вызовите полицию, напишите заявление. Аноним, прошу вас больше не провоцировать конфликт. Иначе я буду вынужден ограничить ваш доступ к чату. Давайте сохранять

человеческое лицо».

Виктор 2-й подъезд (14:12):

«Сергей, какая полиция?! Они приедут, покивают, скажут «ищите сами» и уедут. Я их знаю. Никто никого искать не будет. Я сам найду. Я всех опрошу. Я каждую дверь обсту-чу».

И он действительно начал обходить квартиры. Костя на-писал об этом в два тридцать.

Костя 1-й подъезд (14:30):

«Кстати, Виктор реально ходит по этажам. Только что ко мне заходил. Спросил, где я был в одиннадцать утра. Я ска-зал, что развозил заказы. Он записал в блокнот и пошёл даль-ше. Мужик не в себе. У него руки трясутся и глаза бешеные. Я ему говорю: «Виктор, успокойтесь, на вас лица нет». А он: «Какое лицо?! У меня колёса спущены!!!» Короче, жуть».

Лена 6-й подъезд (14:32):

«У человека острейший стресс. Ему нужна помощь, а не осуждение. Костя, может быть, вам стоит поговорить с ним? Вы единственный, с кем он хоть как-то контактирует».

Костя 1-й подъезд (14:33):

«Лена, вы шутите? Я ему кто? Сын? Друг? Психолог? Я простой курьер, который еле на аренду комнаты зарабатыва-

ет. Я не умею разговаривать с такими людьми. Для них я пустое место. Сопляк. Тунеядец. Он меня слушать не станет. Он меня презирает. Вы же видели его сообщения».

Лена 6-й подъезд (14:35):

«Я понимаю. Но кто тогда? Марина? Галина? Кто-то же должен вмешаться, пока не случилось непоправимое».

Непоправимое. Это слово повисло в чате как приговор. Марина читала его снова и снова и думала: а что такое непоправимое? Убийство? Самоубийство? Или просто молчание, которое окончательно разделит дом на враждующие лагеря? Четвёртая мировая в чате, о которой она думала как о метафоре, вдруг стала реальностью. И никто не знал, как её оставить.

В три часа в чате появился Гриша. Его не было с самого утра — работал, видимо. Его голосовое сообщение длилось почти три минуты, и на этот раз в нём не было привычных шуток про трубы и стояки. Голос был усталый, хриплый, без единой улыбки. Марина потом переслушивала его несколько раз, пытаясь запомнить каждое слово.

Гриша-сантехник (голосовое, 2:58):

«Значит так, граждане дорогие. Я сегодня с шести утра в подвале. Трубу менял. Гнилая совсем, чуть не прорвало. И пока я там возился, я тут прочитал вашу переписку. Всю. С самого утра. И знаете, что я понял? Вы все сошли с ума.

Абсолютно все. И Ольга со своими детьми — сошла с ума. И Лена со своей философией — тоже. И Костя с шуточками. И аноним этот, который из себя судью строит. И Виктор. Виктор, ты особенно. Ты взрослый мужик, ты войну прошёл, ты смерти видел, а теперь из-за колёс готов людей рвать. Ты вспомни, что ты там защищал. Там люди жизнью рисковали, чтобы другие могли спать спокойно. А ты что делаешь? Ты соседей терроризируешь. Из-за железяки. Да, обидно. Да, дорого. Но это просто колёса. Их можно купить. А вот души, если она порвётся, не купишь. И не починишь. Я вам как сантехник говорю: трубы я меняю, стояки латаю, но души — души чинить не умею. Этому не учат. Так что вы давайте, миритесь. Пока не поздно. А то будет как с той трубой в подвале: рванёт так, что весь дом затопит. И никто не спасётся. Ладно. Всё. У меня работы полно. Петровы опять раковину засорили. Пойду».

После голосового Гриши наступила тишина. Долгая. Почти на час. Марина сидела в офисе, смотрела на телефон и чувствовала, как внутри что-то отпускает. Гриша сказал именно то, что она сама думала, но не могла сформулировать. Дело не в колёсах. Дело даже не в парковке. Дело в людях, которые разучились говорить друг с другом. Которые предпочитают ненависть прощению, а месть — пониманию.

Но даже Гриша не мог остановить войну. Потому что война уже шла.

В четыре часа дня Виктор вернулся в чат. Его тон изме-

нился. Он больше не кричал. Он писал сухо, как полицейский протокол.

Виктор 2-й подъезд (16:10):

«Я опросил двенадцать квартир. Никто ничего не видел. Либо врут, либо преступник был в маске. Я вызвал участкового. Приехал молодой парень, лейтенант. Записал мои показания, сфотографировал колёса, сказал, что будет искать. Но я вижу: гиблое дело. Улик нет. Свидетелей нет. Камер нет. Так что я сам. Рано или поздно я узнаю, кто это был. И тогда пощады не ждите».

Марина прочитала и вздрогнула. Слово «пощады» прозвучало слишком зловеще. Особенно от человека, который служил в горячих точках и, по слухам, умел обращаться с оружием. Она надеялась, что Виктор просто блефует. Что его гнев выдохнется через пару дней. Но внутренний голос подсказывал: нет. Этот человек не прощает. Он из тех, кто носит обиду годами, лелеет её, полирует, как любимую машину, и однажды предъявляет счёт.

В шесть вечера Костя скинул в чат мем. Это была картинка с котом, у которого лапа была замотана бинтом, и подпись: «Когда попросил переставить машину, а тебе прокололи шины». Это было глупо. Неуместно. Даже цинично. Но именно это сломало напряжение. Ольга поставила реакцию «смеюсь». Лена написала: «Костя, вы невыносимы». Даже Виктор прочитал и ничего не сказал — только пометка «прочитано»

повисла в углу экрана.

Костя 1-й подъезд (18:15):

«Народ, а давайте реально скинемся Виктору на новые колёса? Типа жест доброй воли от дома. Ну, чтобы он не думал, что мы все тут сволочи».

Ольга 3-й подъезд (18:17):

«Я ни копейки не дам. Он сам виноват. Парковался бы нормально — ничего бы не случилось».

Лена 6-й подъезд (18:19):

«Ольга, жертва не может быть виновата в преступлении. Это азбука права. Но я не уверена, что деньги решат проблему. Виктору нужно сочувствие, а не подачка».

Костя 1-й подъезд (18:20):

«Лена, ну вы опять. Какое сочувствие? Он нас всех ненавидит. Вы ему сочувствие предложите — он вас пошлёт. Я пробовал. Он мне дверью чуть в нос не захлопнул».

Марина читала и думала: а ведь Костя прав. Виктор действительно ненавидел их всех. Не конкретно кого-то, а всех скопом. Он видел в соседях врагов, потому что иначе не умел. Потому что всю жизнь его учили: есть свои и чужие. И если ты не свой, ты чужой. А чужих надо бить.

Вечером, около десяти, когда Марина уже легла в постель

и смотрела в потолок, ей пришло личное сообщение. От Гриши.

Гриша-сантехник (личное, 22:11):

«Марина, добрый вечер. Извините, что поздно. Я тут это... ну, в общем, хотел сказать. Вы меня извините, что я вас давеча идиотами назвал. Погорячился. Вы не идиотка. Вы нормальная. Я просто зол был. На всех. А на вас зла не держу. И вы на меня не держите. Ладно? Спокойной ночи».

Марина прочитала и долго смотрела на экран. Она не знала, что ответить. Просто написать «спокойной ночи»? Или спросить, почему он пишет именно ей? Или рассказать, как ей страшно от всего происходящего? Она не была готова к откровенности. Слишком давно она никому не открывалась. Поэтому она ответила коротко.

Марина 4-й подъезд (личное, 22:15):

«Спокойной ночи, Григорий. Спасибо за добрые слова».

Она положила телефон на тумбочку и закрыла глаза. Но сон не шёл. Она думала о Викторе, который сейчас, наверное, сидит на кухне и смотрит в темноту. О Лене, которая пишет длинные сообщения в чат, потому что больше ей никому писать. О Косте, который шутит над всем подряд, потому что иначе заплачет. Об Ольге, которая кричит в чате, потому что не может кричать дома. О Галине, которая помнит, каким был дом раньше, и горюет о том, во что он превратил-

ся. Об Ане, которая молча читает всё это и ставит сердечки, потому что не находит слов.

И о Грише. О Грише, который сидит в подвале с разводным ключом и курит одну за одной, глядя на старую трубу. О Грише, который моет лифт по ночам, чтобы никто не видел. Который говорит голосом, потому что буквы врут. Который называет их идиотами, а потом извиняется в личке. Который, кажется, единственный, кто ещё способен любить этот дом и этих людей, несмотря ни на что.

В одиннадцать вечера аноним написал последнее сообщение за день.

Анонимный участник (23:01):

«Никто не признался. Никто не извинился. Никто не сделал выводов. Что ж. Это был только первый урок. Дальше будет сложнее. Спокойной ночи, соседи. Приятных снов».

Это сообщение прочитали все. Но никто не ответил. Каждый думал о своём. И каждый знал: завтра будет новый день. И новая война. Потому что война никогда не заканчивается. Она просто меняет форму.

Марина закрыла глаза и провалилась в тревожный сон. Где-то вдалеке лаяла собака. Где-то в подвале капала вода из старой трубы. Где-то в чужой квартире плакал человек, которого никто не слышал. Дом жил своей жизнью — огромный, бетонный, равнодушный. И только чат мерцал в телефонах тусклым светом, напоминая, что даже в тишине война

не заканчивается. Она просто ждёт рассвета.

Глава 3. Домофон души

Среда началась без солнца. Небо затянуло серой пеленой, и к утру пошёл мелкий противный дождь — не весенний, а какой-то зимний, колючий, перемешанный со снежной крупой. Марина проснулась от звука капель, барабанивших по жестяному отливу за окном. Часы показывали шесть сорок. Чат молчал — ни одного нового сообщения за ночь. Она потянулась к телефону, проверила вчерашние ветки и замерла, увидев, что анонимное сообщение с угрозой «дальше будет сложнее» до сих пор висит в ленте, никем не удалённое и не оспоренное. Оно висело как приговор. Как обещание будущих бед.

Марина встала, умылась ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна, и по привычке выглянула во двор. Белый внедорожник Виктора всё ещё стоял на газоне, только теперь он выглядел жалко: четыре спущенных колеса, грязные бока, записка на капоте намокла и расплзлась чернильным пятном. Машина напоминала раненого зверя, брошенного умирать на обочине. Никто не подходил к ней. Никто не пытался помочь. Дом делал вид, что ничего не произошло.

В семь утра чат ожил. Первым написал Виктор — и это было неожиданно, потому что обычно он появлялся позже. Видимо, не спал.

Виктор 2-й подъезд (07:02):

«Соседи. Я всю ночь думал. И вот что я решил. Кто испортил мою машину — объявись. Я обещаю: если ты придёшь сам и признаешься, я не буду писать заявление. Мы решим вопрос по-мужски. Один на один. Без полиции. Без суда. Даю тебе шанс. До вечера. Потом пеняй на себя».

Сообщение провисело пять минут, прежде чем кто-то осмелился ответить. Этим кем-то оказался Костя — он явно только проснулся и ещё не успел придумать шутку.

Костя 1-й подъезд (07:08):

«Виктор, доброе утро. Ты серьёзно думаешь, что чел, который проколол шины исподтишка, сейчас выйдет и скажет «это я»? Ну такое. Это в кино работает, а в жизни — неа. Он будет сидеть тихо и хихикать».

Виктор 2-й подъезд (07:10):

«Костя, я не с тобой разговариваю. Я с тем, кто это сделал. И он меня слышит. Он здесь. Я знаю».

Костя 1-й подъезд (07:11):

«Ок, как знаешь. Я просто предупредил».

Марина читала и думала: Виктор действительно верит, что преступник сидит в этом чате. И, скорее всего, он прав. Потому что аноним явно читал все обсуждения и реагировал на них. Кто ещё мог знать о конфликте с парковкой в таких

подробностях? Только тот, кто состоял в чате. И от этого становилось ещё страшнее. Преступник был не чужим. Он был своим. Он был соседом. Может быть, он жил через стенку. Может быть, он здоровался по утрам в лифте. Может быть, он даже сочувствовал Виктору в общей переписке.

В восемь утра в чат зашла Ольга. Её утреннее сообщение было неожиданно мирным — видимо, ночной сон остудил её гнев.

Ольга 3-й подъезд (08:05):

«Доброе утро всем. Я вчера погорячилась. Извините. Просто когда дело касается детей, я себя не контролирую. Но сегодня я подумала: может, действительно стоит написать коллективное письмо в администрацию? Не про Виктора конкретно, а про парковку вообще. У нас реально мало мест. Мой муж тоже иногда на газон заезжает, когда поздно возвращается. Так что я не лучше. Давайте что-то делать вместе, а?»

Это было неожиданно. Марина даже перечитала сообщение дважды, чтобы убедиться, что не ошиблась. Ольга — та самая, которая вчера кричала заглавными буквами и угрожала юристом, — теперь предлагала сотрудничество. Может быть, Гриша был прав? Может быть, люди могут меняться?

Первым на предложение Ольги откликнулась Лена.

Лена 6-й подъезд (08:10):

«Ольга, я искренне рада вашему сообщению. Это именно то, о чём я говорила вчера. Коллективное обращение — это цивилизованный путь. Я готова составить текст. У меня есть опыт написания официальных писем. Давайте соберём подписи и отправим в управу».

Виктор 2-й подъезд (08:15):

«Лена, Ольга, я ценю ваше желание помочь. Но я уже ходил в управу. Три раза. Бесполезно. Там сидят люди, которые ничего не решают. Они только отписки пишут. Так что давайте не будем тратить время».

Ольга 3-й подъезд (08:17):

«Виктор, а если попробовать ещё раз? Коллективное обращение имеет больший вес, чем одиночное. Я могу мужа попросить помочь с юридической стороной. Он как раз специализируется на земельных спорах».

Виктор не ответил. Вместо него в чате появился аноним — и его сообщение снова всё испортило.

Анонимный участник (08:22):

«Ольга, вы наивны. Пока такие, как Виктор, будут ставить свои машины на газон, никакие письма не помогут. Сначала нужно навести порядок здесь, в доме. А потом уже идти во внешний мир. Вы не замечаете, что пытаетесь тушить пожар, одновременно подливая в него бензин?»

Ольга ответила мгновенно — и снова на повышенных тонах.

Ольга 3-й подъезд (08:24):

«А вы кто такой, чтобы меня учить?! Вы аноним! Вы прячетесь! Я хотя бы под своим именем пишу! А вы — тень за углом! Может, это ВЫ колёса прокололи?!»

Анонимный участник (08:25):

«Я уже говорил: это не я. Но я не осуждаю этого поступка. Это был акт справедливости. А###ность иногда требует жёстких мер».

Слово «справедливость» резануло Марину. Она вдруг поняла, что аноним не просто провокатор. Он верит в то, что говорит. У него есть своя система ценностей, пусть и извращённая. Он считает себя судьёй. А судьи, как известно, не прощают.

Лена попыталась снова вмешаться.

Лена 6-й подъезд (08:28):

«Аноним, позвольте заметить, что справедливость не может быть анонимной. Если вы считаете, что правы, выйдите и скажите это открыто. Иначе ваша справедливость — это просто месть, прикрытая красивыми словами».

Аноним не ответил. Но пометка «прочитано» появилась. И это молчание было красноречивее любых слов.

В девять утра Марина ушла на работу. Дождь усилился, и она долго стояла на остановке под козырьком, кутаясь в тонкий плащ. Маршрутка опаздывала, люди нервничали, кто-то толкался, кто-то ругался сквозь зубы. Обычное утро. Но Марине казалось, что напряжение, которое накопилось в чате, выплеснулось и на улицу. Или, наоборот, уличное напряжение просочилось в чат. Она уже не различала, где кончается реальность и начинается переписка. Они переплелись, как провода в старом щитке, и грозили замкнуть в любой момент.

На работе её ждал аврал: квартальный отчёт, который она вчера испортила, требовал полной переделки. Марина погрузилась в цифры, в дебет и кредиты, в бесконечные таблицы, и на несколько часов забыла о чате. Это было спасением. Работа всегда была её убежищем — единственным местом, где она чувствовала себя компетентной и нужной. Там не было склок, не было обид, не было анонимов. Там были только цифры, а цифры не врут.

В час дня она позволила себе обеденный перерыв и открыла телефон. Чат бурлил. Оказалось, пока она работала, произошло новое событие: сломался домофон. Точнее, не сломался, а начал барахлить — то срабатывал, то нет, то открывал дверь только после пятого нажатия. И это, разумеется, стало поводом для новой войны.

Первым о поломке написал Костя — он как раз вернулся с утренней доставки и не мог попасть в подъезд.

Костя 1-й подъезд (11:45):

«Народ, у кого ещё домофон глючит? Я десять минут у двери стоял, пока какая-то бабка не вышла и не впустила. Кнопку жму — тишина. Может, это только у меня?»

Ольга 3-й подъезд (11:48):

«У нас тоже!!! Я с коляской не могла зайти!!! Пришлось ждать, пока сосед сверху спустится!!! Это безобразие!!!»

Галина 5-й подъезд (11:50):

«И у нас. Я уж думала, звонок сломался, ан нет — домофон. Вызвала мастера, сказали — заявка принята, ждите. Но когда ждать — неизвестно».

Виктор 2-й подъезд (11:55):

«Это не поломка. Это продолжение саботажа. Сначала мусоропровод, потом колёса, теперь домофон. Кто-то планомерно разрушает наш дом. И я знаю, кто это. Это наш анонимный друг. Он вчера обещал «уроки». Вот вам первый урок. Лишиться доступа в собственный подъезд — будете знать, как спорить».

Марина читала и качала головой. Виктор снова видел заговор там, где, скорее всего, была обычная техническая неисправность. Домофоны в их доме ломались регулярно — проводка старая, контакты окислялись, кнопки западали. Но

после вчерашних событий любая поломка воспринималась как диверсия. Паранойя, посеянная анонимом, давала всходы.

Лена, как всегда, попыталась внести рациональность.

Лена 6-й подъезд (12:00):

«Друзья, давайте без теорий заговора. Домофон — это техническое устройство, которое имеет свойство ломаться. Нашему дому двадцать лет, проводка давно требует замены. Я предлагаю не искать врагов, а просто дожидаться мастера. И, кстати, я заметила интересную вещь: домофон работает, если нажимать кнопку мягко, а не бить по ней кулаком. Может быть, проблема в нас самих?»

Костя 1-й подъезд (12:03):

«Лена, вы серьёзно? Типа «домофон — это метафора души»? Ну вы даёте. Я пробовал по-всякому: и мягко, и грубо, и носом тыкал. Не работает. Там реально что-то сломалось».

Лена 6-й подъезд (12:05):

«Костя, я не говорила про метафору. Я просто заметила факт. В моём подъезде домофон действительно реагирует на силу нажатия. Может быть, у вас кнопка более изношена. Но я рада, что вы заговорили о метафорах. Значит, мои уроки литературы не прошли даром».

Лена поставила подмигивающий смайлик — и это было

настолько неожиданно, что Костя на минуту замолчал. Марина улыбнулась впервые за день. Она представила, как Лена сидит в своей квартире, среди книг и котов, и улыбается, набирая это сообщение. Может быть, она не такая уж и холодная. Может быть, она просто одинока и хочет, чтобы с ней разговаривали.

В час дня в чате появился Гриша. Его голосовое сообщение было коротким — всего минута двадцать.

Гриша-сантехник (голосовое, 1:20):

«Слышал про домофон. Я не электрик, я по трубам. Но могу глянуть, если надо. Там, скорее всего, контакты отошли или кнопка зашла. Делов на пять минут. Но это не я решаю — это УК должна решать. Так что звоните им, требуйте. А если не приедут — я вечером после смены подойду с отвёрткой. Только вы это, не грызитесь. Домофон — фигня. Вот когда канализация встанет, тогда и поговорим о саботаже. А пока — живите дружно».

После голосового Гриши атмосфера в чате немного разрядилась. Ольга поблагодарила его, Галина поставила «сердечко», даже Виктор написал скупое «спасибо, Григорий». Только аноним молчал. Марина заметила, что он не появлялся с утра, после того как Лена обвинила его в мести. Может быть, он затаился. А может быть, готовил новый «урок».

Костя решил разрядить обстановку своим способом — через абсурд. В два часа дня он написал:

Костя 1-й подъезд (14:05):

«Слушайте идею. Пока домофон не работает, давайте устроим квест. Я буду звонить в случайные квартиры и читать стихи. А вы угадывайте, чьи. Кто угадает — тому пирожок. Начинаю».

И он действительно начал. Лена потом рассказывала Марине в личной переписке, что Костя позвонил в её дверь и с выражением прочитал «Я помню чудное мгновенье» — с театральными паузами и подвыванием. Она сначала испугалась, потом рассмеялась и даже аплодировала в домофонную трубку. Потом он позвонил Ольге — та не оценила, потому что ребёнок только уснул. Потом Галине — и та, по словам Кости, сказала: «Милосердие, ты бы лучше делом занялся, а не стихи читал». Но сказала без злобы, почти ласково. Виктору он звонить не стал — побоялся.

Эта невинная шалость неожиданно сделала то, что не удавалось никому из взрослых: она вернула чату ощущение человечности. Люди начали шутить, обмениваться впечатлениями, вспоминать смешные случаи из жизни. Даже Ольга сменила гнев на милость и написала, что Костя «хоть и дурак, но весёлый».

Но аноним молчал. И это молчание беспокоило Марину больше, чем любые угрозы.

Вечером, когда стемнело и дождь наконец прекратился, в чате появился администратор Сергей. Он редко писал, но

сегодня сделал исключение — и его сообщение оказалось неожиданно личным.

Администратор (20:15):

«Дорогие соседи. Я редко вмешиваюсь в обсуждения, но сегодня хочу поделиться наблюдением. Я живу в этом доме пятнадцать лет. Я видел, как приезжали новые жильцы, как уезжали старые, как рождались дети и как умирали старики. Этот дом — живой организм. И, как любой организм, он болеет. Сейчас он болен. Его болезнь — это наша разобщённость. Мы перестали быть общиной. Мы стали просто людьми, которые живут в одном здании. Но общину можно восстановить. Для этого нужно сделать простую вещь: начать слушать друг друга. Не спорить, не осуждать, не искать виноватых. Просто слушать. Я прошу вас об этом. Ради дома. Ради нас самих».

Сообщение Сергея тронуло Марину. Она знала его немного: тихий пенсионер, вдовец, живёт один, иногда выходит во двор кормить голубей. Он никогда не жаловался, не скандалил, не лез в чужие дела. И вот теперь он написал то, о чём она сама думала все эти дни. Но сможет ли его голос перевесить крики и взаимные обвинения?

Первой на сообщение Сергея откликнулась Лена.

Лена 6-й подъезд (20:20):

«Сергей, спасибо. Я полностью разделяю вашу позицию.

Слушать — это самое трудное. Особенно когда хочется говорить самому. Но я попробую. Обещаю».

Потом написала Ольга.

Ольга 3-й подъезд (20:22):

«Я тоже попробую. Но это сложно, когда дети орут и муж не помогает. Но я попробую».

Потом — Галина.

Галина 5-й подъезд (20:25):

«Серёжа, золотые слова. Я помню, как раньше соседи друг к другу в гости ходили без приглашения. С пирогами. С чаем. А теперь — только в чате и видимся. Да и то — воюем. Эх, молодёжь, что ж вы делаете-то».

Виктор прочитал сообщение Сергея, но ничего не ответил. Костя поставил реакцию «огонь». Аноним молчал.

Марина набрала было ответ, но стёрла. Она не знала, что писать. Она тоже хотела слушать. Но как слушать того, кто прячется за пустой аватаркой? Как слушать того, кто угрожает? Того, кто проколол шины? Это было выше её сил.

В девять вечера, когда Марина уже собиралась ложиться, ей позвонила Лена. Они редко разговаривали по телефону — обычно общались в чате или изредка в личных сообщениях. Но сегодня Лена, видимо, была в особенном состоянии.

— Марина, простите, что беспокою, — начала она быстро и немного сбивчиво. — Я просто хотела спросить... Вы не

замечали ничего странного в нашем чате?

— Что вы имеете в виду? — Марина села на кровать, прижав трубку к уху.

— Я не знаю, как объяснить. Мне кажется, что кто-то специально разжигает конфликты. Сначала лужа, потом парковка, теперь домофон. Это слишком системно. Слишком продуманно. Вы не думаете, что аноним — это не просто жилец, а кто-то, кто хочет разрушить наш дом?

Марина задумалась. Она тоже об этом думала. Но отказывалась верить. Потому что если это правда, значит, враг действительно внутри. И он носит маску соседа.

— Лена, я не знаю. Может быть. А может, это просто человек, которому плохо. И он вымещает свою боль на других. Вы же психологию изучали? Разве не так работает абьюз?

— Так, — вздохнула Лена. — Именно так. Но от этого не легче. Если он абьюзер, его не исправить уговорами. Его можно только изолировать.

— Но как изолировать анонима? Мы даже не знаем, кто он.

— Вот именно. — Лена помолчала. — Марина, вы верите в то, что люди могут измениться?

Марина посмотрела в тёмное окно. Капли дождя стекали по стеклу, искажая свет уличных фонарей.

— Я хочу верить. Но с каждым днём всё меньше.

— Я тоже, — тихо сказала Лена. — Ладно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Марина положила телефон и долго сидела в темноте. Где-то наверху соседи двигали мебель. Где-то в подвале Гриша докуривал последнюю сигарету и смотрел на старую трубу, которая ещё держалась, но уже дала трещину. А где-то в доме, за одной из сотен дверей, сидел человек, который называл себя справедливостью. И он ждал.

Час спустя, около десяти вечера, в чате появился Гриша — с последним голосовым за день.

Гриша-сантехник (голосовое, 1:08):

«Ну что, соседи, день прошёл — и слава богу. Домофон я глянул. Контакты отошли. Поджал — теперь работает. Так что не благодарите. И вот ещё что. Сергей правильно сказал: надо слушать. Я вот слушаю. Каждый день. Трубы, стояки, воду в батареях. Они мне многое рассказывают. А вы? Вы кого слушаете? Себя? Так это глухота. Вы друг друга послушайте. Завтра будет новый день. И, может, кто-то что-то услышит. А я пойду. У меня завтра с утра Петровы опять. У них раковина течёт уже месяц. Они её скотчем замотали. А она всё равно течёт. Потому что скотч душу не чинит. Спокойной ночи».

Аня поставила «сердечко». Костя — «огонь». Ольга — «большой палец». Лена ничего не поставила, но написала в личку Грише: «Спасибо за домофон. И за слова. Они важнее». Гриша не ответил — только пометка «прочитано».

Марина легла и закрыла глаза. Она думала о том, что завтра будет четверг. А в четверг, она чувствовала, что-то случится. Что-то, что изменит всё. Потому что война не ждёт. Война наступает тогда, когда её меньше всего ждёшь.

А аноним всё ещё был онлайн. Его зелёный огонёк горел в списке участников до полуночи. Он читал. Он слушал. Он ждал.

И он готовил новый урок.

Глава 4. Скриншот

Четверг начался с давящей тишины. Небо так и не прояснилось после вчерашнего дождя — тяжёлые тучи висели над домом, как мокрое бельё на верёвке. Марина проснулась в шесть тридцать от головной боли — той самой, что появляется от хронического недосыпа и постоянного стресса. Она полежала немного, глядя в потолок, потом заставила себя встать и поплелась на кухню. Чайник вскипел, но чай показался безвкусным. Хлеб был чёрствым. Сыр засох по краям. Всё валилось из рук.

Она открыла чат — внутри было тихо. Последние сообщения вчерашние: голосовое Гриши про скотч и душу, несколько реакций, ничего нового. Марина пролистала вверх, перечитала вчерашнюю переписку, и её взгляд снова зацепился за слова администратора Сергея: «Мы перестали быть общиной». Да, подумала она, перестали. И, кажется, уже никогда не станем снова.

В семь утра в чате появился Костя. Его утреннее сообщение было неожиданно лиричным — видимо, он не спал или только что вернулся с ночной смены.

Костя 1-й подъезд (07:05):

«Слушайте, а красиво сегодня. Тучи, морось, фонари ещё горят. Прямо как в кино про апокалипсис. Не хватает только

зомби, вылезающих из мусорных баков. Я бы снял кино про наш дом. Назвал бы «Восстание соседей». Главный злодей — анон. Главный герой — Гриша с разводным ключом. А вы все — массовка, которая гибнет в первой же сцене».

Марина прочитала и невольно улыбнулась. Костя даже в самые мрачные моменты умудрялся находить повод для шутки. Но в его словах была и доля правды: аноним действительно становился главным злодеем их общей истории. И никто не знал, кто он.

Ответила Лена — она, судя по времени, тоже не спала. Может быть, работала над очередным эссе. Или просто лежала без сна, как и многие в этом доме.

Лена 6-й подъезд (07:10):

«Костя, ваша фантазия меня пугает и восхищает одновременно. Но если серьёзно: может быть, вместо фильма-катастрофы нам стоит снять фильм о том, как соседи научились слышать друг друга? Знаете, такой артхаусный сценарий. Где в конце все сидят за общим столом и молчат. Потому что слова уже не нужны».

Костя 1-й подъезд (07:12):

«Лена, вы оптимистка. Но артхаус не катит. Народ хочет экшн. Погони, взрывы, проколотые шины. Кстати, Виктор вчера так и не нашёл преступника. Я видел, как он вечером опять обходил квартиры. На пятый этаж поднялся, а там баба

Нина из семьдесят третьей ему дверь не открыла. Он стоял, ругался, потом плюнул и ушёл. По-моему, он уже на грани».

Марина читала и думала о Викторе. Она представляла, каково ему сейчас — одному, с чувством унижения и бессилия. Его машина всё ещё стояла на газоне с проколотыми колёсами. Он не мог на ней ездить, не мог починить (денег, видимо, не хватало), не мог найти виновного. Его гордость была растоптана. И он вымещал злость на всех вокруг. Порочный круг.

В восемь утра в чат зашла Ольга. Её утреннее сообщение было коротким и деловым — без вчерашнего крика.

Ольга 3-й подъезд (08:01):

«Доброе утро. Я поговорила с мужем. Он готов помочь с коллективным письмом в администрацию. Говорит, что есть шанс, если соберём больше пятидесяти подписей. У него есть образец. Кто хочет участвовать — напишите мне в личку. Я составлю список».

Это было конструктивно. Впервые за долгое время кто-то предлагал реальный план действий. Марина хотела сразу написать «я участвую», но что-то её остановило. Она вспомнила вчерашние слова анонима: «Сначала нужно навести порядок здесь, в доме». Может быть, он прав? Может быть, коллективное письмо — это попытка убежать от внутренних проблем?

Тем не менее, несколько человек откликнулись сразу. Ле-

на написала, что готова помочь с текстом. Галина сказала, что подпишет. Даже Костя согласился — «только ради прикола, посмотреть, как администрация будет отписки слать». Виктор промолчал. Аноним — тоже.

Марина решила подумать до вечера.

В девять она ушла на работу. Дождь перестал, но улицы были мокрыми, а воздух — сырым и холодным. Она ехала в переполненной маршрутке, зажата между крупным мужчиной в рабочей куртке и старушкой с тележкой, и думала о том, как странно устроена жизнь. Утром ты читаешь про проколотые шины и сломанный домофон, а днём сидишь в офисе и делаешь вид, что всё нормально. Что ты — обычный бухгалтер с обычными проблемами. Что у тебя нет никакого чата, который сводит с ума.

На работе её ждал сюрприз. Начальник вызвал к себе в кабинет и сообщил, что она допустила ошибку в квартальном отчёте — не критичную, но заметную. Марина извинилась, пообещала исправить. Начальник покивал и отпустил её, но по его взгляду она поняла: он заметил её состояние. Рассеянность. Усталость. Она теряла хватку. И виной тому был чат. Проклятый чат, который высасывал из неё силы, как болото высасывает тепло.

В обеденный перерыв она открыла телефон и увидела, что чат снова бурлит. Оказывается, пока она работала, произошло сразу два события.

Первое: аноним наконец-то нарушил молчание и написал

сообщение, которое всех переполошило.

Анонимный участник (12:15):

«Я вижу, вы решили писать коллективное письмо. Похвально. Но наивно. Вы думаете, что бумажка с подписями что-то изменит? Нет. Изменит только сила. Та сила, которую вы боитесь применять. А я не боюсь. И я докажу вам это. Сегодня вечером. Ждите».

Второе событие было ещё более тревожным: Виктор объявил, что нашёл свидетеля. Якобы кто-то видел человека, который возился возле его машины в день прокола. Он не назвал имени, но пообещал, что сегодня вечером «всё выяснится».

Виктор 2-й подъезд (12:30):

«Я знаю, кто это был. Вернее, мне сказали. Я проверю информацию. И если она подтвердится — преступник ответит по всей строгости. Я предупреждал. Я давал шанс. Теперь всё».

Марина читала эти сообщения, и ей становилось физически плохо. Два фронта: аноним с его угрозами «доказать» и Виктор с его расследованием. Дом напоминал пороховую бочку, к которой с двух сторон поднесли спички. Она чувствовала, что взрыв неизбежен.

Она написала Лене в личку.

Марина 4-й подъезд (личное, 12:45):

«Лена, вы видели? Аноним опять угрожает. И Виктор кого-то нашёл. Мне страшно. Что они задумали?»

Лена 6-й подъезд (личное, 12:47):

«Видела. Я пытаюсь сохранять спокойствие, но это сложно. Аноним, скорее всего, блефует. Он уже обещал «уроки» — и что? Поломка домофона? Это могло быть совпадением. А Виктор... мне кажется, он выдаёт желаемое за действительное. Он так хочет найти виновного, что готов поверить любому слуху. Марина, я предлагаю не поддаваться панике. Давайте дождёмся вечера и посмотрим, что произойдёт на самом деле».

Марина попыталась последовать совету, но паника не ушла. Она вернулась к работе, но цифры плыли перед глазами. Она перепутала столбцы, дважды вводила одни и те же данные и в итоге ушла домой раньше обычного, сославшись на головную боль. Начальник отпустил её с явным недовольством, но спорить не стал.

Дома она закрыла дверь на замок, скинула туфли и села на диван, не зажигая свет. В комнате было сумеречно и тихо. Телефон лежал рядом, и она каждую минуту брала его в руки, проверяя чат. Там пока было спокойно. Ольга обсуждала с Леной текст письма. Костя скинул ещё один мем — на этот раз с енотом, который моет лапы, и подписью: «Когда слышишь слово "коллективное письмо"». Галина жаловалась на

то, что в подъезде опять пахнет кошками. Обычный день. Обычные заботы.

Но Марина знала: это затишье перед бурей.

В шесть вечера она всё-таки заставила себя поесть — разогрела вчерашний суп, съела пару ложек без аппетита. Телефон пискнул. Она вздрогнула и схватила его быстрее, чем следовало. Но это был всего лишь Костя в общем чате.

Костя 1-й подъезд (18:05):

«Ну чё, где обещанный вечерний сюрприз? Анон, ты там не уснул? А то я уже попкорн приготовил».

Аноним не ответил. Зато ответил Виктор.

Виктор 2-й подъезд (18:10):

«Костя, не торопи события. Я сейчас встречаюсь с человеком. Скоро всё узнаете».

Марина напряглась. С каким человеком? Что за свидетель? И почему Виктор пишет об этом в чат, а не идёт прямо в полицию? Ответ был очевиден: он хотел публичного разоблачения. Он хотел, чтобы все видели, как он вершит справедливость. Это была не защита своих прав, это был спектакль. И чат был его сценой.

В семь вечера, когда за окнами уже стемнело, телефон пискнул снова. На этот раз это было не сообщение. Это был файл. Изображение. Его прислал Виктор.

Марина открыла и замерла. На фотографии был человек.

Мужчина. Лет пятидесяти. В грязной куртке. Он стоял возле белого внедорожника с баллонным ключом в руке. Снимок был зернистым, явно сделанным на телефон издалека, но лицо было различимо. Марина всмотрелась и не узнала его. Но судя по реакции чата, другие узнали.

Первой написала Ольга.

Ольга 3-й подъезд (19:02):

«Это же... Это же Игорь из седьмого подъезда! Муж той самой Ани, которая всегда молчит!!!»

Марина перечитала сообщение. Аня. Молчаливая Аня, которая ставит сердечки на голосовые Гриши и читает чат по ночам. У неё есть муж? И он — тот, кто проколол шины?

Она вспомнила, что никогда не видела Аню с мужем. Аня всегда была одна — с коляской, в наушниках, с отсутствующим взглядом. Она жила в седьмом подъезде, но никто о ней ничего не знал. И вот теперь её муж — главный подозреваемый.

Чат взорвался. Сообщения сыпались как из пулемёта.

Костя 1-й подъезд (19:03):

«Ничего себе сюжет. Аня, ты тут? Это правда твой муж?»

Лена 6-й подъезд (19:04):

«Прошу всех сохранять спокойствие. Фотография может быть подделкой. Не делайте поспешных выводов».

Ольга 3-й подъезд (19:05):

«Какая подделка?! Там лицо! Это он! Я его узнала! Он вечно пьяный ходит и курит на детской площадке! Я же говорила, что от него одни проблемы!!!»

Виктор 2-й подъезд (19:07):

«Я предупреждал. Я же предупреждал. Вот он, герой. Аноним, ты видишь? Это твой подельник? Или ты сам и есть Игорь?»

Аноним молчал. Но его зелёный огонёк горел в списке участников. Он читал.

Марина не могла оторваться от экрана. Она ждала, что сейчас появится Аня и всё объяснит. Скажет, что это ошибка. Что её муж не мог. Что это какая-то чудовищная случайность. Но Аня не появлялась. Её молчание было оглушительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.